

**Н.К. Данилова,
Самарский университет;
Ю.В. Нестерюк,
Самарский университет**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДУЛИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ФРГ

Рассматриваются процедуры реализации базовых модулей медийного дискурса, коммуникативного и когнитивного, демонстрирующих наличие в процессе языковой реализации новой информации системных моментов, что позволяет подтвердить гипотезу относительно существования в речевой деятельности регуляторов вербального поведения коммуникантов. Выбор масс-медиа в качестве предмета исследования для целей анализа системности определен высокой плотностью информационных потоков, характеризующих данную коммуникативную практику.

Ключевые слова: медийный дискурс, смысловая структура, системные процессы, интересубъективность языка, вербальное поведение.

**N.K. Danilova,
Samara University;
Y.V. Nesteryuk,
Samara University**

INFORMATION MODULES IN CONTEMPORARY GERMAN MEDIA DISCOURSE

The article deals with the procedures of implementation of basic modules of media discourse, communicative and cognitive, demonstrating the presence of systemic moments in the process of linguistic implementation of new information, which allows to confirm the hypothesis concerning the existence of regulators of verbal behavior of communicators in the speech activity. The choice of the mass media as the subject of research for the purposes of systemic analysis is determined by the high density of information flows that characterize this communicative practice.

Keywords: media discourse, semantic structure, systemic processes, language intersubjectivity, verbal behavior.

Ставшее традиционным представление о медийном дискурсе как источнике объективного знания о положении дел постепенно уступает более доказательным версиям, в основу которых положено понимание того, что языковое моделирование событий и явлений реальности с неизбежностью включает в процесс конструирования модели мира языковую и коммуникативную личность ее создателя. Растущее понимание того, что последовательности высказываний, образующие языковую (материальную) основу дискурса, в конечном итоге имеют целью формирование сообщения о положении дел в модусе говорящего субъекта (Ich-Welt-Modell), что предполагает анализ системных процессов, итогом которых становятся речевые продукты, создаваемые в различных коммуникативных практиках.

Главное и неизбежное событие, которое сопровождает производство текстов, М. Фуко определяет как вхождение «в рискованный порядок дискурса» [1]. Устойчивость дискурса видится М. Фуко и в функции автора, понимаемой им как «то, что лишаящему покоя языку вымысла даёт формы его единства, узлы связности, прикрепление к реальности». Выведенные Фуко два основных принципа, *принцип комментария и принцип автора*, обеспечивают возможность самого существования дискурса благодаря игре идентичности, формой которой, в первом случае, становится *повторение и тождественность*, во втором, *индивидуальность и я*. Третий принцип, *принцип дисциплины*, связан с требованиями самой дискурсивной практики, а именно: набором правил и положений, определяющих характер контроля за производством знания.

Выстраивая тем самым понимание дискурса как процесса рождения нового знания, М. Фуко формулирует новую перспективу исследования и для лингвистики, постановка проблемы для которой может быть сформулирована следующим образом: как функционирует язык в процессе появления новых смыслов, реализуя при этом намерения автора?

Демонстрирующая глубинную традиционность перспектива исследования, берущая начало в античности и связанная с именами Аристотеля и Платона, обретает благодаря современной антропоцентрической парадигме иное звучание, обращаясь к вопросам, касающимся системного характера функционирования языковых структур. Суть предлагаемого нами решения заключает-

ся в том, чтобы проследить последовательность процедур, позволяющих сформировать новое знание в ходе развертывания речевых продуктов в рамках медийного дискурса. В своих наблюдениях мы исходим из предположения о том, что воплощенная в последовательности высказываний стратегическая программа, реализующая функцию автора, развивается по направлениям, структурированным в соответствии с базовыми модулями, *когнитивным и коммуникативным*.

Идея относительно необходимости разграничивать в целях исследования обоих информационных потоков принадлежит Ю. Хабермасу. В монографии, посвященной теории коммуникативного действия, автором сформулированы основные положения универсальной прагматики [2, с. 77-79]. Объектом реконструкции является процесс производства высказывания, не трансцендентальные характеристики процесса или языковая способность, а коммуникативный опыт, то есть ситуации понимания, понятийная структура, делающая понимание возможным, использование предложений в высказываниях. Конституирование опыта совершается в процессе объективации действительности на основе языковых символов

Вырабатывая основные положения своей теории, Ю. Хабермас особо выделяет необходимость учета когнитивного аспекта употребления языка. *Двойная структурация* речевого акта, наличие пропозиционального содержания (о чем идет речь) и интересубъективного аспекта (общение с Другим), требует признания репрезентативного плана высказывания, утверждает Ю. Хабермас, оба аспекта высказывания *когнитивный и коммуникативный*, предполагают друг друга. Когнитивная компетенция образуется в *процессе взаимодействия с объектами действительности*, интерактивная и языковая – в *коммуникативном взаимодействии с субъектами и их высказываниями*. Взаимоотношения Я с миром воплощаются в объективность природы, нормативность общества и интересубъективность языкового медиума [2, с. 194].

Обозначенная Ю. Хабермасом дуальность дискурсивного процесса может быть дополнена представлением о том, что оба плана имеют модульный характер, так как в каждом конкретном случае производства и восприятия текстов они формируются, подчиняясь как принципам повторения и тождественности, так и принципам индивидуальности, связанным с функцией автора, реализация которых протекает в системном режиме. Исходя из понимания дискурсии как процесса формирования и трансляции знания, мы исследуем языковые процедуры, реализующие когнитивный и коммуникативный модули в

персональном интервью, в котором обнаруживается сложное переплетение этих смысловых конфигураций. Особое внимание в процессе формирования и транслирования знания заслуживают, на наш взгляд, языковые средства, получившие обоснование в теории Ю. Хабермаса как прагматические универсалии, служащие реализации *отношения между участниками и интенций и переживаниям говорящего* [2, с. 94-95].

Обратимся к рассмотрению интервью М. Фридмана с литературным критиком М. Райх-Раницки, приуроченному к опубликованию им книги «Mein Leben» [3]. В процессе рассмотрения коммуникативного взаимодействия мы в большей степени сфокусируемся на реализации стратегического плана интервьюера, исходя при этом, однако, из того, что действительность в рамках интервью конструируется одновременно и совместно обоими коммуникативными партнерами [4, с. 58].

Трансакция 4, коммуникативный обмен 1:

Journalist (J): Sie sprachen, lieber Herr Reich-Ranicki, einmal von Ihrer Sehnsucht nach einer Heimat. Was bedeutet Heimat für Sie und was ist das für eine Sehnsucht? <...>

В рамках данной трансакции интервьюером вводится микротема «Sehnsucht nach Heimat». В первом коммуникативном обмене интервьюер использует прием цитирования слов интервьюируемого (вводится глаголом „sprechen (von D.) в форме Präteritum) и использования нескольких местоименных вопросов, что на фактологическом уровне позволяет судить о *тактике запроса информации*. На уровне интересубъективном речь идет о *тактике поддержания интересубъектных отношений*, о чем свидетельствует обращение («lieber Herr Reich-Ranicki»).

Трансакция 4, коммуникативный обмен 2:

J: Aber Sie haben Sehnsucht nach Heimat. Was ist das für eine Sehnsucht? ... Was fehlt Ihnen? <...>

В коммуникативном обмене 2 интервьюер констатирует факт («Aber Sie haben Sehnsucht nach Heimat») в форме повествовательного предложения. Использование противительного союза «aber», повторный ввод лексических единиц, названных в предыдущем коммуникативном обмене («Sehnsucht», «Heimat») и ряд местоименных вопросов позволяют судить о *тактике побуждения к ответу на вопрос и тактике удерживания беседы в рамках предложенной интервьюером темы*. Журналист удерживает инициативу и расширяет микротему «Marcel Reich-Ranicki, der Sehnsucht nach Heimat hat» до «Marcel Reich-Ranicki, dem etwas fehlt».

Трансакция 4, коммуникативный обмен 3:

J: «Ich habe kein eigenes Land» – haben Sie mal gesagt. – «Ich habe keine Heimat und ich habe kein Vaterland». Wie einsam ist ein heimatloser Mensch?

В коммуникативном обмене 3 М. Фридманом используется тот же прием, к которому он обратился в рамках коммуникативного обмена 1, а именно: цитирование слов интервьюируемого (с целью введения фактологической информации) и местоименный вопрос, что позволяет судить о *тактике запроса информации*. Синонимический ряд с отрицательным артиклем «kein-» (kein eigenes Land, keine Heimat, kein Vaterland) и использование слов с негативной коннотацией «heimatlos» и «einsam» свидетельствуют о реализации *тактики имплицитной провокации*. Репрезентация идентичности интервьюируемого в рамках данного коммуникативного обмена также претерпевает изменения и трансформируется в «Einsamkeit eines heimatlosen Menschen».

Интервьюируемый при ответе на вопрос проводит аналогию, отмечая, что для него родиной стала немецкая литература, и иудеями, спасшими из горящего храма свитки Торы (Священного писания), которая являлась для них высшей ценностью. С точки зрения совместного конструирования образа интервьюируемого сам М. Райх-Раницки уклоняется от предложения интервьюера презентовать себя как человека, испытывающего эмоции, и остается на предметно-логическом уровне рациональной личностью.

Трансакция 4, коммуникативный обмен 4:

J: Aber ersetzt diese Literatur wirklich das, was Sie vermissen? – Dazugehören. Haben Sie nicht vielleicht Angst, dass das, was Ihnen in Ihrem Leben passiert ist ... Sie haben gerade Berlin der 30er Jahren genannt. Da haben Sie gesagt: «Ich ging in die Schule. Und eigentlich wurde das meine Heimat». Und dann haben die Deutschen Ihnen gesagt: «Ätsch, bättsch. Du irrst dich, du bist Jude und kein Deutscher». Kann es sein, dass Sie eine Angst haben, dass man Sie wieder rausschmeißt, dass man nicht dazugehört und dass Sie deswegen das gar nicht zulassen, von «wir» zu sprechen?

Использование интервьюером в рамках коммуникативного обмена 4 противительного союза «aber»; контекстуальных антонимов «dazugehören» - «rausschmeißen», «Sie» – «wir», «Jude» – «Deutscher»; отрицания «kein Deutscher», «nicht dazugehören» маркируют *тактику побуждения к ответу на вопрос*. Способ репрезентации здесь снова расширяется и уточняется, теперь речь идет о следующем: «Mensch, der nicht dazugehört und eine Angst davor hat, dass man ihn wieder rausschmeißt».

На интерсубъективном уровне М. Фридман использует весьма любопытный прием, который скорее нетипичен для коммуникативного поведения интервьюера: он дает интервьюируемому фидбек. Журналист приводит ин-

формацию о том, что он наблюдал ранее (Da haben Sie gesagt: «Ich ging in die Schule. Und eigentlich wurde das meine Heimat»). Далее им моделируется ситуация, в которой находился интервьюируемый, и используется вербализация примерного ответа, а точнее, интенции ответа господина Райх-Раницки. Интересно, что интервьюер приводит квази-цитату, содержащую констатирующее высказывание (Und dann haben die Deutschen Ihnen gesagt: «Ätsch, bättsch. Du irrst dich, du bist Jude und kein Deutscher»). И далее им высказывается предположение о том, что чувствует Марсель Райх-Раницки, реализуемое в форме общего вопроса (Kann es sein, dass Sie eine Angst haben, dass man Sie wieder rausschmeißt, dass man nicht dazugehört und dass Sie deswegen das gar nicht zulassen, von «wir» zu sprechen?). Марсель Райх-Раницки открыто выражает свое удивление и признает мнение коммуникативного партнера как соответствующее действительности: «Das ist ganz richtig. Bin erstaunt. Sehr richtig, was Sie eben gesagt haben». И в дальнейшем признает, что такое положение вещей делает его ранимым и уязвимым.

Таким образом, мы можем констатировать, что действительность в персональном интервью конструируется обоими коммуникативными партнерами. В данном интервью инициатива принадлежит интервьюеру, он целенаправленно реализует свою стратегическую программу по презентации рационального Марселя Райх-Раницки как *человека* уязвимого, человека, которому не чужды страхи. Если проследить работу интервьюируемого над выстраиванием данного образа, то мы можем увидеть следующую последовательность: Marcel Reich Ranicki als Mensch, der keine Heimat hat und nach Heimat sehnt (коммуникативный обмен 1) > als Mensch, dem etwas fehlt (коммуникативный обмен 2) > als heimatloser Mensch, der einsam ist (коммуникативный обмен 3) > als Mensch, der es vermisst, dazuzugehören und eine Angst hat, dass man ihn wieder rausschmeißt (коммуникативный обмен 4) > als Mensch, der an dieser Stelle verwundbar ist (коммуникативный обмен 7)

Интервьюируемый в рамках коммуникативных обменов 1-3 уклоняется от подобного способа идентификации и стремится презентовать себя как «немецкого критика, который обрел родину в немецкой литературе».

Интервьюер в рассматриваемой трансакции осуществляет вклады на всех 3 уровнях взаимодействия: предметно-логическом (фактологическая информация), intersубъективном и уровне трансформации, уточнения и расширения введенного им «образа другого М. Райх-Раницки», однако именно в этом интервью и именно с этим коммуникативным партнером интервьюеру

удается добиться успеха и реализации своего стратегического намерения с помощью интенсификации взаимодействия на интересующем уровне.

Список литературы:

1. Фуко М. Порядок дискурса / Лекция 09.04.2007 // <https://gtmarket.ru/library/articles/777>
2. Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 607 S. Marcel, Reich-Ranicki – Michel Friedman // https://www.youtube.com/watch?v=UGUmpAzqHS0&t=65s&ab_channel=PhilosophieKanal
3. Кожемякин Е.А. Современные медиадискурсы: специфика и проблемы когерентности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1-4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. Белгород : КОНСТАНТА, 2014. С. 57-62.